

* * *

Сдуваю с рукописей пыль,
И, тлен стряхнув с цветов засохших,
Прошу у Бога дать мне сил
Упрёком не предать усопших.

Никто не видел в жизни столь
Физиономии капризной
Судьбы,
Когда тщета и боль
Бредут вдвоём на тризну жизни.

* * *

Надёжный, строительный материал
Твоё и моё вдохновенье!
Над этим проектом твой голос мужал
Непознанное поколение.
Когда, вырываясь на новый рубеж,
Реальность мешали со снами,
Когда этот город вставал из надежд,
Как жаль, что вас не было с нами!
Таким городам не дано прозябать –
Бесследно пропасть и незримо,
Таким городам никогда не бывать –
Прекрасное неповторимо!
И встал он – важнее любой из наград,
Руками, а не чудесами
Построенный в вольной степи Автоград.
Как жаль, что вас не было с нами!

* * *

Глянь – весна пролетела неведомо как –
Вся в заботах о праздниках близких.
Распустились у бабок в шершавых руках
Несравненные гроздья редиски!

– Где же праздник обещанный, –
спросите вы,
Городской прокалённые скукой,
Эту пыльную книгу усталой листвы
Пролиставши на скорую руку.

– Ждите августа, – вам
намекает помидор,
Отвернувшись белесым затылком.
Подождём, в самом деле –
какой разговор –
Его зрелости огненно-пылкой.

Рынки ломаются. Яблоку негде упасть,
Георгины в лоснящемся глянце.
Вон сентябрь у ворот – и пора покупать
Моим школьникам новые ранцы.

В этом небе – зеркальном от голубизны,
Отражусь мимоходом, куда-то спеша.
Ощущения праздника и новизны
Так желает душа! Так боится душа...

* * *

Но если жизнь и впрямь игра,
Театр – а мы его актёры,
Не всё ль равно тогда,
Который
Сегодня будет свят и прав.

Благослови беспечный нрав
Столикой бабы – Мельпомены –
Сумей оставить эту сцену
Достоинства не потеряв.

Надеждой сердца не воль –
Круши мосты, ломать – не строить,
Забрали роль – и эта боль
Должна достойной стать игрою.

Но если завтра умирать
Другой поднимется на сцену,
Страшась рассудок потерять,
Припомни истинную цену

Игры. И, сердца не губя,
Утешься выдумкой двоякой –
Он просто научился плакать –
– Увы – естественней тебя.

Не нам во всём искать резона,
Терзаться – Бог не приведи –
Вон спит живая Дездемона
У режиссёра на груди.

ПРОЩАНИЕ

Во сне душа обнажена...
Клубком свернувшись в ночь ненастья,
Не то любви, не то несчастья
Всё мается, всё ждёт она.
Вот так прощание вошло
В былую жизнь, все даты скомкав,
В крошечных, сумрачных потёмках
Запутал сети птицелов.
Ни зги... Ни звука, ни огня –
Лишь рыщет лихо в чистом поле.
Не о такой ли вольной воле
Мечтал ты на исходе дня?
Дыханьем опалит беда
Всю жизнь твою в больном изломе
Но вдруг – светить – на небосклоне
Взойдёт высокая звезда!

ГОЛОЛЁД

И когда жесточайший прошёл гололёд,
И дорога свободной казалась –
Оглянулась: а следом никто не идёт...
Вот тогда я всерьёз напугалась.

Эй вы, братья и сёстры по смуте в крови,
Кто вы, где вы, когда же по коням?
Донеслось издалёка: ты нас не зови –
Мы догоним. Мы позже догоним...

А другие молчат, потому что мертвы –
Ты-то где, мой единственный милый?
И доносится рокот стоустой молвы:
«Ты же первой ему изменила...»

Вот и всё. Но мерцает шальная звезда
В горемычном плену небосвода.
Я счастливой уже отбыла навсегда
В жесточайшие дни гололёда.

ВСТРЕЧА

И когда я решилась уже
Доживать в пустоте и смиренье
Словно чиркнули спичкой в душе –
Ты, мой дом, эта ветка сирени...

Пятилистая, зябкая гроздь
Долго будет в стакане качаться –
Это ты, мой нечаянный гость,
Так внезапно напомнил о счастье.

Две науки – прощать и спасать
Не освоены мною покуда.
Так спасать, чтоб самой воскресать,
Так прощать, чтоб уверовать в чудо!

Так в чужой раствориться судьбе,
Чтобы сам не пропал, кто спасает...
Я-то вижу, какое в тебе
Ожиданье беды воскресает.

* * *

Льянная скатерть утреннего луга,
Туман окутал речки синеву,
Полувосторга крик, полуиспуга:
«Простудишься!». Но я уже плыву.

Чуть-чуть знобит. Слегка пугают глубины
Разверстые, глотая взмах руки.
Но если ты меня и вправду любишь,
Войди за мной в крутую стынь реки.

Ты вправе и рискнуть, и уклониться.
Но эхо зова древнего в крови –
Мы нынче снова рыбы или птицы –
Ну что же ты! Так что же ты? Плыви!

Меня речным течением относит,
Тебя не слышно... Голубеет высь.

И незнакомый голос тихо просит:
«Вернись ко мне! Вернись ко мне! Вернись...»

* * *

Болит и болит в нас прошедшее, не утихая.
И, не торопясь становиться услугой стиха,
Никак не забудется эта, давно прожитая,
Аллея прозрачная в майскую ВДНХа.

Как лопались почки пронзительно,
звонко и дерзко,
Спеша по округе разнести
долгожданную весть,
Что юные яблоньки,
словно отряд пионерский,
Всем взмахом ветвей обещали
торжественно цвести.

Ещё не пугала разлуки грядущая близость –
Неделя любви – бесконечной казалась она...
Но чёрные галки, по мокрым
рассевшись карнизам,
Вещали о том, что закончится эта весна.

С тех пор, бесконечную осень свою
провожая,
Я жду остужающих сердце моё холодов.
Несут и несут мне навстречу того урожая
Корзины роскошные горьких,
запретных плодов.

* * *

Сутулой спиной прохожий похож на тебя.
Но окликов резких усталые люди не любят,
Они в нас внезапно надежду
на встречу разбудят.
И горечь досады разбудят
чуть-чуть погода.

Стоим друг пред другом чужие: не та и не он.
Как холодно в сумерках вывесок
светит неон.

Простите, прохожий,
я снова ошиблась. Похожих
На вашу согбенную спину
вокруг миллион.

Ещё не единожды окликом я ошибусь.
Ещё не однажды окликнут
меня по ошибке.
Но в мире огромном,
скупом на любовь и улыбки,
Надеждой на встречу
несбыточную продержусь.

* * *

Отыщись, круглолистный боярышник,
вдруг уколи
В чаще леса, у края оврага,
у лета на склоне,
Когда шествует к западу день
в золотистой короне
И вечерние росы под ноги мои пролились.

